

ПРЕМИИ
«КНИГУРУ»,
«НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»,
ПРЕМИИ «ЕВРОКОНА-2014»
В НОМИНАЦИЯХ
«ЛУЧШИЙ ХУДОЖНИК»
И «ЛУЧШИЙ АВТОР
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА»

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

Душники

ВРЕМЯ ВЫБИРАТЬ

Владимир Константинович Аренев

Душница. Время выбирать

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8645077

Душница. Время выбирать / Владимир Аренев.: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-086067-8

Аннотация

Этот город очень похож на наш. Здесь есть мобилки, интернет, самолёты, телевизоры... Школьники точно так же любят здесь прогуливать уроки, родители порой слишком заняты самими собой. Все-то разницы – воздушные шарики, которые можно чаще увидеть на улице и в домах. А всё потому, что в этих шариках после смерти принято хранить души близких людей.

В них – или в огромной древней башне, которая называется душницей

Содержание

Владимир Аренев	4
От автора	6
Часть первая	7
Часть вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

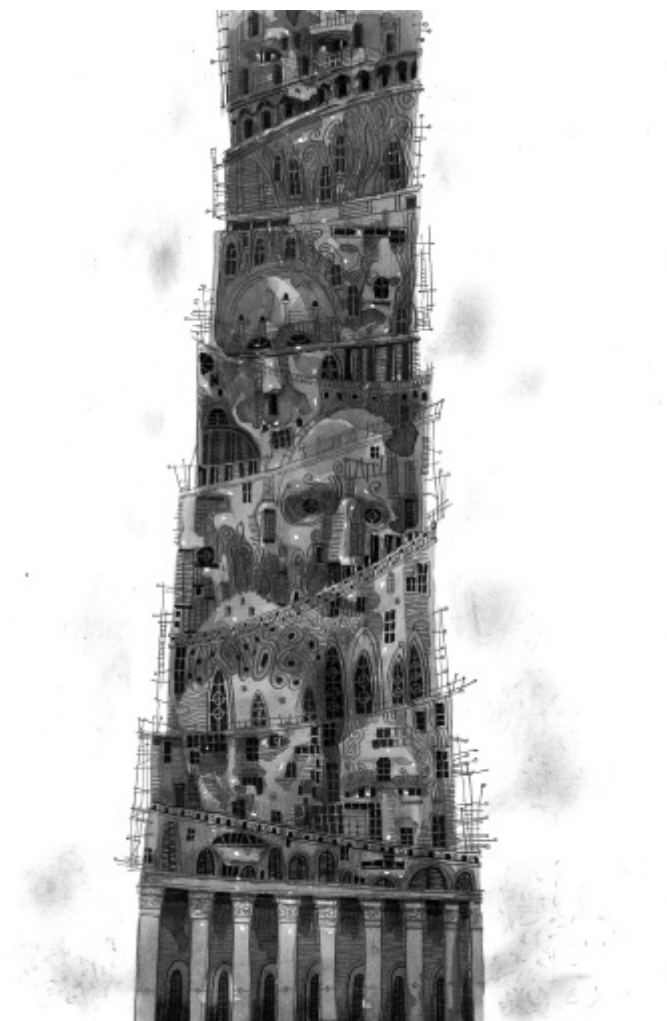
Владимир Аренев

Душница. Время выбирать

Серия «Точка невозврата»

На обложке использована иллюстрация *Оксаны Ветловской*

В книге использованы графические работы *Александра Продана*

От автора

Всё началось с объявления на фонарном столбе. Поздно ночью я возвращался домой на маршрутке, она остановилась перед светофором – и на обычном столбе я увидел полуоборванное «Воздушные шарик для любых торжеств».

А чем больше пишешь, тем чаще зрение у тебя начинает работать по-особому. Чаще замечаешь детали, из которых могут прорасти интересные истории. И в этом даже не твоя какая-то там заслуга, просто... ну вот воображение тренируется особым образом реагировать на внешние раздражители.

В общем, я увидел это объявление, вбил себе пару ключевых фраз в мобилку – а дальше всё пустил на самотёк. Истории нужно было проявиться, придуматься, прорасти. Когда это случилось (а случилось, к моему удивлению, довольно быстро), я сел и записал её.

Было это в 2010 году, и остаётся только радоваться, что эта книга успела выйти в свет, её прочли, кому-то она понравилась, кого-то возмутила. А сложись всё по-другому, сейчас бы читатель решил, что я писал на злобу дня, – но увы, это просто «злоба» догнала и сделала книгу слишком актуальной.

С 2010 года «Душница» живёт уже своей жизнью, а я наблюдаю за ней, как за ребёнком, который делает первые успехи на выбранном пути. Она была тепло принята читателями в конкурсе детской и подростковой литературы «Книгуру-2013». На сайте «Лаборатория фантастики» по итогам читательского же голосования победила в категории «Лучшая сетевая публикация». Она выходила в моём авторском, «взрослом» сборнике, а теперь вот доросла до отдельной книги, да не простой – а с иллюстрациями чудесного художника Александра Продана.

Мне очень интересно, как отнесутся к ней сегодняшние читатели. И ещё: где-то там, за пределами ведомых нам полей, кажется, медленно прорастает новая история об этом же мире. Признаться, я не уверен, прорастёт ли, но – что ж, время покажет. А мне остаётся пожелать вам приятного чтения.

Ваш ВА

Часть первая

Еле-еле душа в теле.

Чуть нажали – душа в шаре!

Детская считалочка

В четверг у Курдина умер дедушка, это все знали. До конца недели на уроки Курдин не ходил, а в понедельник опоздал на геометрию. Классная его пустила, слова не сказала. Он сел рядом с Рыжим Бадей, а дедушкин шарик прицепил сбоку, на крючок для портфеля.

Шарик был здоровский. Серебристый, с тонкими чёрными прожилками и громадный, как арбуз. Под «хвостиком» у него висела кожаная ленточка. На перемене Курдин дал её рассмотреть всем, кто хотел. Сашка тоже посмотрел. Имя дедушки и даты на ленточке были серебристые, в тон шарiku. И цепочка светлая. Курдин её из рук не выпускал, намотал на запястье и всё время как будто невзначай двигал туда-сюда: поправлял.

– Ну и что, он с тобой разговаривает? – спросила Жирнова, зачем-то шёпотом.

– Балда! – отмахнулся Курдин. – Первые девять дней они не разговаривают. Это потом... и то – если о них постоянно заботиться. И не со всеми подряд – только с теми, кто тонко чувствует; со взрослыми вон – редко когда.

– Ага, – поддакнул Вадя, – мне Колька Шепелявый рассказывал, ну, с Песчаного двора. Его сеструха месяц за бабкиным шариком ухаживала. Каждый день по часу книжки читала, разговаривала, музыку ей крутила, вальсы всякие. Прислушивалась, аж краску с шарика ухом стёрла. Вот такое пятно... а бабка – ни слова! Зато у Макса из двадцать шестой дядю машина сбила. Так он ему потом советы давал всю дорогу. Макс родаков еле упросил, чтобы отвезли в душницу, и он...

Курдин перебил Вадю:

– Фигня! В душницу раньше чем через год только совсем нищие своих отдают. Ну или дикари какие-нибудь. – Он многозначительно повёл бровью, глядя на Сашку.

Тот почувствовал, как наливаются багровым уши.

– Это ж, – добавил Курдин, – не всем доступно: уважать своих предков.

Не обошлось бы без драки, да прозвенел звонок. На большой переменке Сашка проигнорил собравшуюся вокруг Курдина толпу. Пошёл во двор и съел бутеры, потом сидел на скамейке; пахло прелой листвой и жареной картошкой из дома напротив, и он просто думал о разном. Про Курдина почти не думал.

Видел, как возвращались после столовки девчонки из параллельного «Б». Новенькая шла вместе с Гордейко и Сидоровой, что-то им рассказывала. Гордейко хихикала, потом заметила Сашку и помахала ему рукой. Новенькая даже не оглянулась. А Сидорова обернулась и показала ему язык. Дура.

После уроков он задержался в вестибюле. Сел у окна и рылся в портфеле. Курдин во дворе опять хвастался дедушкиным шариком. Новенькая с Гордейко и Сидоровой тоже подошли и слушали.

Сидорова увидела, что Сашка на них смотрит, и зашептала, прикрывшись ладошкой.

Сашка отвернулся, застегнул портфель и вышел во двор. На Курдина и толпищу даже не глянул. И когда Гордейко засмеялась, не обернулся.

Можно подумать!..

Дома никого не было. Он включил телик и решил, пока светло, нанести камуфляжный узор на морпехов. Как раз до завтра высохнут, и можно будет заняться мелкой прорисовкой. Вполуха слушал «Первый образовательный», что-то про эпоху Василия Бездетного. Когда показывали реконструкции боёвок – смотрел, конечно: отвлекался.

Из всего набора успел сделать только двух солдатиков.

Зазвенели в замке ключи, хлопнула дверь. Уже по тому, как громко и тяжело дышал дед, было ясно: он сегодня заглядывал в Дом писателей и сидел в буфете. Или был в редакции.

– Ни черта они не понимают, – проворчал он. Повёл широченными плечами, стряхнул с себя куртку и насадил на крючок. Пригладил ладонью-лапой остатки волос, фыркнул. – Мозги у них у всех набекрень. «Классики»!.. Вот, Санька, сидят они передо мной, жопами по стульям аж елозят, в рот заглядывают, но – ни черта не понимают. Я для них не поэт, Санька. Не поэт. «Борец с режимом», «узник совести» – вот что я такое для них!.. – Он скривился, как будто нечаянно раздавил клопа. – Ну это ладно, – сказал уже другим тоном. – Это ладно. Как у тебя дела? Уроки сделал?

Сашка покачал головой:

– Сейчас буду. Тебе чайник поставить?

Дед, раздувая мохнатые ноздри, втянул в себя воздух.

– Опять? – спросил. – Опять?!

Солдатики и краски Сашка успел ссыпать в ящик стола. Но запах-то остался.

Дед помрачнел и зашагал на кухню. Сашку, стоявшего на пути, отодвинул в сторону одним движением ладони. Не глядя.

Так же не глядя, стоя у раковины и набирая воду в чайник, сказал:

– Не маячь. Иди делай уроки.

– Деда, я...

– Иди.

Часов до девяти он сидел на кухне, смотрел телевизор и пил чай, кружка за кружкой. Невнятно ворчал себе под нос, Сашка расслышал только: «мал-л-льчишки... едрён корень!.., дети!.., а потом удивляются...» Даже с папой дед разговаривать не захотел – так, перекинулся парой слов. Потом пришла мама, отобрала у него кружку, заставила переодеться в домашнее. Сашка к тому времени уроки закончил, он сидел в их с дедом комнате и листал детскую энциклопедию, исторический том. Читать не хотелось – рассматривал картинки.

– Ну что у вас опять? – спросила мама. Лицо у неё было бледное, наверное, кто-то из карапузов капризничал или снова за Сурженко родители поздно пришли. – Давайте-ка миритесь, бойцы. А то ужинать не пушу.

Дед приобнял её за плечи, звонко чмокнул в щёку.

– Не выдумывай, – сказал глухо. – Ужин я сам сейчас сделаю, иди отдыхай.

– Из-за чего поцапались?

Дед только отмахнулся:

– Мужские дела, не мешайся. Иди, иди... Мы тут сами.

Сашка сидел к ним вполоборота. Он знал, что будет дальше. Подумал с горечью: если Максу из двадцать шестой дядя давал советы, а Курдину дедушка, наверное, будет рассказывать про свои фильмы и спектакли, то вот Сашкин дед – он ничем подобным заморачиваться не станет. Только с утра до ночи читать нотации, учить жизни. «Война – это плохо, в войну не играют! Как можно играть в горе или смерть?!»

– Покажи. – Дед навис над Сашкой. Пахло от него уже сносней. Ненамного, но терпеть можно было. – Не бойся, не отберу.

Сашка выдвинул ящик и достал двух раскрашенных морпехов.

Подтянув к себе табурет, дед грузно опустился на него; зажал в пальцах одного из морпехов и, сосредоточенный, хмурый, принялся вертеть так и эдак.

– Похож. Только ремень не чёрный – фиолетовый должен быть. И «эфки» они с собой не носили. При зачистках от «эфок» мало толку. – Он поставил солдатику на столешницу, тот упал, и дед, подняв, провёл подушечкой пальца снизу по подставке. – Не подровнял...

А, краска попала. – Он выудил из кармана трофейный перочинный нож, щёлкнул лезвием и одним ловким движением убрал всё лишнее. Теперь морпех стоял ровно и крепко.

Дед осмотрел второго, кивнул:

– Эти были самые паскудные. Их пускали, если по-другому было никак. Мы их звали «прокажёнными». За лица размалёванные... и не только. – Он откинулся на табурете, упёрся спиной в шкаф. Тот чуть скрипнул. – Появились они не сразу. *Миротворцы* думали, что быстро управятся. Думали, всё обойдётся малой кровью. «Диктаторский, антизаконный режим», «народ устал...», «...как уже не чаянных освободителей». Поздно сообразили, что Батя этого ждал и готовился с самого начала. Вся армия у него вот здесь была, вся! – Дед сжал кулак, аж косточки хрустнули. – А мы тогда мало что понимали. Когда «проказы» начали вычищать всех подряд: армейских, гражданских, любых, – вот тогда мы поняли... – Дед помолчал, шурясь от света слишком близко стоявшей настольной лампы. – А они говорят: «предали идею», «переметнулись к диктатору», «ударил в спину».

Сашка сидел тихо. Дед сегодня был странный, странней обычного.

– Ладно, – сказал он, – забыли. Хочешь – играй. Лучше так...

За ужином дед шутил и вообще казался слишком бодрым.

– Что, всё-таки подписали договор? – спросил отец.

Мать с укоризной взглянула на него, а дед только хмыкнул:

– Как же! Им, сукиным котам, новенькое подавай! «Ваше „Горное эхо“ – конечно, классика и бестселлер, но к этой бы поэме две-три новых бы...» Ничего, я им напишу! Делов-то! Напишу так, чтоб аж... – Он опять до хруста сжал кулак и потряс им в воздухе. – Они от страха верноподданического обосрут, но напечатают, да!.. Ты, доча, на меня не смотри и не шикай! Сам знаю! Но я – дикарь, мне можно!

– Не выдумывай, – устало сказала мама. – Ну какой ты дикарь?..

– Окультирующий! «Осознавший» и «бежавший из постдиктаторской анархии». Что я, по-твоему, газет не читаю? До сих пор вон пишут, а сколько лет прошло...

Папа покачал головой и даже отложил в сторону свой электронный ридер.

– Какое вам дело до их мнения? Они все эти годы говорили и будут говорить. У них мозги так устроены. Без этого они же сойдут с ума от собственной никчемности.

– Не любишь ты людей, – усмехнулся дед. – А ещё врач.

Он вдруг успокоился, как будто решил наконец для себя что-то очень важное.

Папа пожал плечами:

– А вы – любите? Всех до единого? После всего, что пережили?

Дед залпом допил чай и промокнул усы салфеткой.

– Это, – сказал, – другая история. Не за столом и не при детях...

Когда Сашка чистил зубы перед сном, он услышал, как мама с папой моют посуду и вполголоса о чём-то спорят:

– ...опять устроит какую-нибудь глупость.

– Не устроит.

– Уверена?

– Все эти годы он не вмешивался.

– Но мы же с тобой знаем, что хотел. А сейчас, когда... Ты ведь слышала, что он говорил.

– Он говорит это не первый раз. Пусть говорит. Они его там не воспринимают всерьёз.

– Наши или?..

– И те и те. Пусть говорит. Это он себя накручивает, ему тогда лучше пишется.

«Ну да, – мрачно подумал Сашка, – ему лучше, а другим страдать».

Дед нацепил очки, устроился у себя за столом и погасил верхний свет. Абажур с фениксами придвинул поближе, разложил тетрадки, какие-то пожелтевшие листы, блокноты. Щёлкал семечки и шуршал бумагой. Иногда делал пометки огрызком карандаша.

Семечки и стихи – это у него было неразделимо, как вдох и выдох. Сашка, когда совсем мелкий был, думал, что все поэты так писали: и Святослав Долинский, и Анатолий Пуассе, и даже великий Ричард Олдсмит, – в одной руке перо, другая бросает в рот семечки.

– Санька, подойди-ка, – проронил дед, не оборачиваясь.

Сашка подошёл.

Дед взглянул на него поверх очков. Очки на деде смотрелись нелепо, как вязаная шапочка на слоне.

– Вот что, я сегодня вспылел. День скверный. Скверный... да. Ты тут ни при чём, и игрушки твои... – Он махнул рукой, как будто и говорить было не о чем. – Не в игрушках дело. Ты этого пока не понимаешь... когда-нибудь, может, поймёшь.

Сашка тихонько вздохнул: началось.

– Ты не вздыхай, не вздыхай! – добродушно прорычал дед. – Ишь, вздыхатель нашёлся! Ну что, мир?

– Мир, – сказал Сашка.

– То-то! На вот, – дед протянул на распахнутой ладони свой перочинный ножик. – Чтоб удобней было подставки зачищать.

Сашка сперва не понял. Дед этот ножик привёз с собой, когда бежал с полуострова. Он всё потерял: дом, первую жену, друзей. Если бы его поймали, расстреляли бы как террориста – или «свои», или миротворцы. И вот он как-то ухитрился выжить, уцелел вопреки всему и миновал Стену с полупустым рюкзаком за плечами, в котором лежали только пластиковая бутылка с рукописями да этот нож.

Нож был знатный: корпус с резными накладками из слоновой кости, несколько лезвий, миниатюрные ножницы, отвёртка... Сашке дед давал его подержать, если был в хорошем настроении. То есть редко.

– Бери, – сказал дед. – Дарю. На черта он мне, старому хрычу?

Сашка сглотнул комок в горле и, не найдя нужных слов, просто обнял деда. Тот аж крикнул от неожиданности.

– Ну, брат, полегче, этак ты из меня всю душу выдавишь! Давай уж без соплей, ты ведь не девчонка. – Он отстранился и заглянул Сашке в глаза. – Только уговор: в школу не носить и во дворе не хвастаться. Понимаешь, почему?

Сашка понимал. Узнают – скажут маме. Тогда и деду, и ему влетит на полную катушку. Мама у них была строгих правил.

– Ладно, – буркнул дед, поворачиваясь к столу, – ты ложись, а я ещё поработаю. Свет не мешает?

Ночью Сашка слышал, как он ворочается на постели, вздыхает, скребёт подбородок. Тихо встаёт и, шаркая тапочками, идёт в гостиную. Что там он делал, Сашка не слышал, но знал. Просто-таки видел, как дед подходит к углу, где висит икона с Искупителем, касается привязанного к гвоздю бабушкиного шарика. Подтягивает его к себе, стирает несуществующую пыль и, прижавшись лбом к резиновому боку, молчит, молчит, молчит, молчит...

* * *

На дедов день рождения ударили морозы. Последние листья опали и хрустели под ногами, словно кто-то сбросил на город все чипсовые запасы страны. Вместо бабьего лета наступила дедова зима.

За эти две недели Сашка почти успокоился, хотя иногда – особенно при виде Курдина с его шариком – так и тянуло пронести нож в школу и похвастаться. Обязательно на перемене, когда Сидорова и Гордейко с новенькой будут идти из столовки.

Денису Лебединскому Сашка, конечно, про ножик рассказал, а вчера Лебедя, наконец-то отгрипповавшего своё, мать отпустила к Сашке в гости. Лебедь подарок заценил.

– Везучий ты, – сказал. – Хотя, конечно... – И он покосился на кухню, где дед о чём-то ругался по мобильному со своим приятелем, редактором Антон Григорьевичем.

– Что «конечно»? – передразнил Сашка, специально произнеся «ч» вместо «ш».

– Жизнь конечна, – отшутился Лебедь. Недавно он подсел на пьесы Олдсмита и теперь к месту и нет сыпал звонкими цитатами. – Ты с новенькой-то хоть познакомился, балда?

– А в глаз? – радушно предложил Сашка. – Чего мне с ней знакомиться?

Лебедь фыркнул:

– Как знаешь. Курдин, говорят, на неё засматривается, вот ему и дай в глаз. Хотя – чего тебе ему в глаз давать-то? «Она – никто мне, меньше, чем никто».

В общем, утром Сашка всё ещё был погружён в по-олдсмитовски тяжкие раздумья. С одной стороны – слово дал. С другой – гад Курдин.

Сложенный, ножик идеально входил в чехол от Сашкиного мобильного. И выглядел стильно. Не в портфель же его класть, из портфеля и спереть могут!..

На большой перемене Сашка неторопливо спустился в вестибюль, залез на подоконник и достал из портфеля ароматное яблоко. С киношной лентой, подсмотренной у Дика Андреолли в «Серебряных сёдлах», щёлкнул лезвием и располовинил яблоко. Протянул кусок Лебедю, слонявшемуся неподалёку в предвкушении.

Толпа выросла в полминуты. Сашка позволил каждому, кто хотел, подержать нож в руках, но обязательно чтоб с закрытым лезвием! Он вдруг сообразил, что не только новенькая с Сидоровой и Гордейко будут возвращаться из столовки. Некоторые учителя тоже.

И всё-таки риск того стоил.

Сперва Сашка заметил шарик – тот появился над головами зевак, как будто тоже хотел взглянуть на происходящее.

– О, Турухтун! – снисходительно ухмыльнулся Курдин. – Чем хвастаешься? – Он подвинулся, чтобы новенькой было лучше видно. Она встала рядом с ним, и Сашка понял: поблизости нет ни Сидоровой, ни Гордейко. Это с Курдиным она ходила в столовую!

– Ножик небось сломанный. Ну-ка, дай. – Курдин повертел, рассматривая, рукоять, потом выдвинул лезвие. Поскрёб ногтём. – Мутное какое-то. Откуда взял?

– Дед подарил.

– Де-ед!..

– И лезвие там нормальное, ты смотри осторожней, не порежись.

– А можно мне? – попросила новенькая.

Попросила глядя на Сашку.

Ему показалось: в груди как будто открыли невидимую дверь, и оттуда хлынул поток свежего воздуха, запахло светом, лесом, радугой. Сашка кивнул, улыбнулся, снова кивнул, не отводя взгляда от её зелёных глаз.

Она улыбнулась в ответ.

Сашка потянулся за ножиком, чтобы дать ей, и представил, как коснётся её тёплой ладони, а она, может быть...

Но в этот момент загремел звонок.

– Ой, у нас же литра! – ахнула Жирнова. – Контрольная! Ой!

Литератыч был дядька правильный, но офигенно строгий. Говорили, он даже нужду справляет по часам.

Все ломанулись к лестнице и Курдин тоже. С Сашкиным ножиком в кулаке.

Сашка подхватил незастёгнутый портфель и побежал за Курдиным, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

– Верни! Эй!

Курдин прибавил ходу. Они взлетели на этаж, загрохотали по коридору в самый его конец.

– Отдай!

Дежурный по этажу, зевавший на стуле, проводил их равнодушным взглядом. После звонка такое творилось всегда, особенно на подступах к кабинету Литератыча.

– Курдин!!! Отдай!

Они как раз пробегали мимо учительской. Курдин наконец-то обернулся, одарил Сашку паскудной улыбкой и швырнул ему ножик. Тот заскользил по паркету, кто-то из бегущих едва не наступил, другой задел и отфутболил в сторону.

Сашка, не спуская глаз с ножика, бросился на перехват.

– Турухтун! Это что, по-твоему, хоккей? Ты на стадионе, да? – Перед учительской стоял, гневно сверкая очками, сам директор. – Ну-ка... – Он наклонился и подобрал ножик раньше, чем Сашка успел осознать весь масштаб грядущей катастрофы. – Что это? Это твой? Курдин, а ты что молчишь?

– Так я ж ничего, Евгений Маркыч, – Курдин развёл руками так, чтобы выставить напоказ дедушкин шарик. – Турухтун дал посмотреть, это его.

– Ну и вернул бы ему. Зачем на пол швырять?

– Яне нарочно, Евгений Маркыч! Так получилось!

Директор поглядел на обоих, насупив узкие, похожие на шрамы брови.

– Ладно, идите. Потом поговорим.

И спрятал ножик в карман.

Контрольную Сашка запарол. Из трёх вопросов на один ответ списал у Грищука, другой выдумал сам, просто чтобы хоть как-то ответить. До третьего не успел добраться, когда Литератыч велел Жирновой собрать листочки.

Урок слушал вполуха. Представлял себе, что будет вечером. Сделал деду подарок, как же. Хотелось провалиться сквозь землю, сдохнуть. Потом вспоминал, как смотрела новенькая, как она улыбалась, – и сам улыбался; ничего не мог с собой поделать. Было стыдно и сладко одновременно.

На уроке вслух читали «Легенду о Душепийце». Когда очередь дошла до Сашки, он машинально начал с того места, на которое указал сидевший рядом Лебедь. Читал тоже машинально, думал о своём.

– «И вот стали люди замечать, что в фамильных душницах да на погостах творится неладное. Бывало: преставился человек лет десять назад, а мех с его душою выглядит так, словно миновали уже не годы – века! Будто выветрилась она, выдохлась до предела.

К кому только не обращались! Звали святых отцов, чтобы те душницы заново освятили, доблестных рыцарей, чтобы несли сторожу у входа на погосты!.. Ничего не помогало.

Подозревали в злодействе погостовых, но те и сами пребывали в панике неопишущей. Говорили, будто по ночам слышны из душниц леденящие кровь звуки. Услышав их, собаки забивались под лавки, а люди теряли рассудок. Один священник трижды переночевал в фамильном склепе барона по прозвищу Упрямец. После первой ночи нашли его седым, после второй – ослепшим, после третьей вовсе не нашли, сколько ни искали.

И продолжалось это негодяйство до тех пор, покуда не коснулось герра Вольфреда Эшбаха, за суровость и непреклонность прозываемого Стальным Утёсом. А надо сказать, что была у Стального Утёса супруга, которую любил он пуще жизни своей. Когда преставилась, поместил он её душу в самый надёжный и крепкий мех, ухаживал за нею трепетно, вёл ежевечерние беседы и, куда бы ни отправлялся, повсюду возил с собою. Даже спустя положенное количество лет, когда любой другой уже упокоил бы мех в семейной душнице, герр Утёс не желал с ним расставаться.

Вот однажды король, узнавши о бесчинствах, что творились на погостах, призвал ко двору верных своих вассалов. Поехал и герр Утёс. Дорога до столицы была неблизкой, и на подступах к городу настигла его ночь. Неподалёку увидел он постоялый двор...»

В этот момент распахнулась дверь и дежурный по этажу, извинившись перед Литератчем, сообщил, что Турухтуна к директору, срочно! Прямо чтоб сейчас же шёл!

Сашка тяжело вздохнул и зашагал вон из класса. Видимо, Евгений Маркыч куда-то торопится и не готов ждать до конца урока. А бесчинство, сотворённое Сашкой, намерен выжечь калёным железом, не иначе.

– Сильно злой? – спросил он у дежурного, малявки из четвёртого «А».

Тот пожал плечами:

– Не знаю. Хмурый. И ножик твой в руках вертел.

Сашка только вздохнул. Он на минутку задержался перед окном, чтобы полюбоваться на небо, застрявшее в кривой сетке проводов-душеловов. Провода были покрыты инеем и по-новогоднему сверкали на солнце. На крайнем справа, тянувшемся от старого кинотеатра к кирпичной пятиэтажке, сидел снегирь: будто капелька крови на струне.

Сашка вздохнул, решил, что тянуть время нет смысла, и, постучавшись, вошёл в учительскую. Евгений Маркыч разговаривал по телефону. Ножик лежал перед ним на столе, и директор рассеянно барабанил по нему пальцами.

– Да. Обязательно! Вы не беспокойтесь, я лично пригляжу. Конечно-конечно... А что говорят врачи? Стабильно тяжёлое? Ну-у-у... – Он прокашлялся и зачем-то поправил очки. – Да, вы правы, правы. Могло быть и хуже. Да, конечно, о чём речь; мы дадим отсрочку, потом заплатите сразу за третью и четвёртую четверть. Я же понимаю... Простите, минуточку...

Он прикрыл трубку ладонью, тяжело взглянул на Сашку.

Тот набрался смелости:

– Евгений Маркыч, честное слово, я не хотел...

Директор только отмахнулся.

– На, – протянул ему трубку.

Сашка непонимающе моргнул.

– Поговори, это твой отец.

– Сына, ты?

Сашка кивнул. В горле пересохло, воздух вдруг сделался необычайно прозрачным, пространство словно раздвинулось, распахнулось, как детская книжка-театр, и каждый звук гремел с невыносимой отчётливостью.

– Что с твоим мобильным? Почему не отвечаешь на звонки?!

– Дома забыл, – выдавил Сашка.

– Ну дома и дома, не суть, – голос у отца стал скупым, сиплым. – Тут с бабушкой несчастье. Он возвращался из кафе, поскользнулся и упал. Хорошо, что рядом был Антон Григорьевич – он вызвал скорую.

– Когда? – почему-то Сашке было очень важно знать это. – Когда?..

– Да вот с полчаса. Ты слушай внимательно, не перебивай. Мы с мамой сейчас в больнице. Я позвонил домой твоему Дениске, ты сегодня ночуешь у них, хорошо? Утром я за тобой приеду. После школы сразу иди туда.

– А вы с мамой?

– А мы тут пока. Бабушке нужна операция. Я ещё вечером позвоню, или сам наберёшь меня от Дениски. Слышишь?

– Слышу.

– Ну всё, давай, будь молодцом, не подведи меня. Мама и так волнуется...

Сашка представлял себе, как волнуется мама. Бабушка для неё был самым главным человеком в жизни, самым дорогим; иногда Сашка даже немного ревновал к нему.

Прозвенел звонок, в коридоре радостно завопили; загрохотали чьи-то каблуки по паркету.

– Ну, – сказал Евгений Маркыч, потирая подбородок большим пальцем, – иди, Турухтун. – Он подвигал губами, вздохнул. – Всякое в жизни случается. Не бойся, всё с бабушкой будет в порядке.

Сашка кивнул. Зашагал к двери на одеревеневших ногах.

– Погоди. – Директор держал ножик на ладони, глядя с недоумением, как будто не мог взять в толк, как тот у него очутился. – Это у тебя откуда?

– Дед подарил.

Евгений Маркыч положил ножик на стол перед собой и, помедлив, толкнул к противоположному краю:

– Чтобы я больше его в школе не видел. Понял?

– Спасибо!

– Понял?

– Понял, Евгений Маркыч!

Следующий урок, алгебру, Сашка кое-как отсидел, классная его не трогала. Наверное, директор сказал.

Сашка все сорок пять минут думал только об одном. Словно больного зуба, он то и дело касался чехла с ножиком и убеждал себя, что это совпадение. Даже по времени не всё сходится. Папа сказал «с полчасика назад» – и почти сразу прозвенел звонок. А ножик Курдин уронил, считай, минуты через две-три после начала.

Не сходится, не сходится.

Но на душе было ещё пакостнее, чем в начале прошлого урока.

Лебедю мать уже позвонила на мобильный, и Денис к Сашке с вопросами не лез. После уроков они быстро собрались и хотели сразу идти к Лебедю домой. Оттуда можно было перезвонить папе и узнать, как там дед (и как там мама).

– Не люблю, когда выделываются. Ножик-шможик, дед ему подарил, ага. – Курдин стоял, как обычно, в кольце благодарных слушателей. Прикидывался, что разговаривает с шариком. Делится, стало быть, новостями, рассказывает, как день прошёл. – Тоже мне, сокровище – ножик дикаря! Между прочим, его дед – трижды предатель и преступник. Сначала был просто вредителем, против президента партизанил, потом – типа миротворцев поддерживал, а в конце концов всех предал. К нам бежал, вроде как стишки писать. Ещё не факт, кстати, что он не шпион. Может, стишки вообще одно прикрытие, как в «Рассвете над Чайной бухтой»...

Сашка огляделся, словил пробежавшего мимо младшака:

– Подержи-ка, – сунул ему в руки портфель.

– И мою, – мрачно добавил Лебедь, сбрасывая с плеча спортивную сумку. – На всякий случай.

– ...там, – вещал Курдин, – тоже, помнится, был весь из себя правильный и страдающий художник, а в конце первой серии-то...

Он увидел подходивших Сашку с Лебедем и осёкся.

– А ну повтори, – процедил Сашка. – Повтори, гад!..

В итоге они решили сперва зайти к Сашке домой, чтобы тот переоделся. Да и Лебедю не помешало бы привести себя в порядок. Его мать возвращалась поздно, отца у них не было, зато была прабабка, немощная, но внимательная, как кобра.

– Я б ему вломил, если б Вадя не вмешался.

– Дурак ты, Турухтун. Если б я не вмешался, они бы втроём тебя исколошматили.

Сашка хмыкнул и потрогал пальцем синячище на скуле.

– Ничего, пусть теперь попрыгает, подостаёт шарик. С душелова-то... А Вадя с Бобырко – козлы, что полезли.

– Перед Курдиным выслуживаются.

– Точно!

Лифт не работал, поднимались по лестнице. Перед дверью Сашка остановился и долго искал ключи.

– Как думаешь, – спросил Лебедь, – Курдин родакам пожалуется?

Ключи обнаружились в портфеле, на самом дне. Сашка дёрнул плечами, отпер замок.

– Пожалуется и пожалуется. Первый начал. Будет знать.

Говорить он уже мог с трудом: при каждом движении губа в том месте, куда врезал гад Курдин, болела всё сильнее.

– Давай в ванную. Я пока возьму мобильник и одежду.

Лебедь бросил в угол сумку и молча отправился промывать боевые ссадины. Слышно было, как он приглушённо шипит и бормочет в адрес «козлов» что-то угрожающее.

Сашка поставил чайник, заглянул в шкаф и вытащил рубашку с джинсами, чтобы переодеться. Мобильника на столе не оказалось. Он перерыл всё в тех местах, куда мог его положить, и только потом догадался, что, если родители звонили, мобила вибрировала и наверняка упала на пол. Там её и нашёл.

Поднимаясь, стукнулся головой о столешницу и потом с полминуты стоял перед окном, потирая макушку. В окне была видна детская площадка, сейчас пустая. Только на игрушечной лавочке сидел, смешно вытянув ноги, какой-то человек в синем плаще – лёгком и потрёпанном. Хотя по виду на бомжа незнакомец не тянул: побритый, «ухоженный».

Смотрел человек прямо на Сашку.

Пару мгновений Сашка, замерев, старался не двигаться и даже не дышать. Потом сообразил, что незнакомец глядит не конкретно на него, а вообще на их окна.

– Ты чего копаешься, Турухтун? Чайник уже закипел. Иди давай... Эй, ты в порядке?

Сашка оторвался от окна и рассеянно кивнул:

– В порядке...

Они попили чаю и двинули к Лебедю.

Ножик Сашка вынул и запрятал в самом дальнем углу нижнего ящика стола. Дверь запер на все замки.

Когда проходили мимо арки во двор – не выдержал, глянул.

На детской площадке никого не было.

* * *

«...не приходя в сознание, на семьдесят шестом году жизни...»

Часть вторая

В школу он вернулся в понедельник. Прибежал вовремя, со звонком. Сел рядом с Лебедем и осторожно привязал к крючку сбоку парты медную цепочку.

Проходили сферу и её свойства. Сашка начертил в конспекте циркулем окружность, обозначил пунктиром ось, нарисовал дуги. На дедов шар старался не смотреть и к шепоткам за спиной не прислушиваться.

Шар на сферу в конспекте был совсем не похож. Чуть вытянутый, размером с футбольный шлем или солдатскую каску; цвета вишневого сиропа, щедро разбавленного водой.

Папа сказал: зато с *Hi-float*-покрытием, от преждевременного сдувания. И повышенная чувствительность к магнитному полю, в случае чего – девяностопятипроцентная вероятность, что мимо проводов-душеловов не пролетит. Мама на это устало улыбнулась и попросила Сашку, чтобы говорил с дедушкой как можно чаще.

Сашка пообещал.

Отцу – потом, когда мама ушла спать, – Сашка пообещал учиться лучше прежнего, лучше всех в классе.

Дедовы операции очень дорого стоили, а ещё дороже – те полторы недели, когда его не отключали от аппаратов. Могли бы и дольше не отключать, но доктор сказал: нет смысла, – сказал: лучше уже никогда не будет, в последние дни даже наметилось ухудшение.

Мама всю ночь проплакала, а потом согласилась.

Отец залез в долги, чтобы оплатить деду шар и приличное место в душнице. И теперь у Сашки было два выхода: учиться на одни десятки или вылететь из школы в государственный лицей, сильно поплоше этого и на другом конце города.

Шара он стыдился. С тех пор как родители забрали шар из аниматория, Сашка ни разу с ним не говорил.

Не знал, о чём. Не знал, как.

Заперся в комнате – теперь принадлежавшей только ему одному – и сказал своим, что готовит уроки. Правда: готовил. За полторы недели слишком много пропустил.

Шар висел над дедовым столом и едва заметно покачивался. К вечеру первого дня Сашка не выдержал, осторожно взял его в руки и прижался ухом к упругому боку.

Внутри было тихо. Если бы не подвешенный у основания жетон из нержавеющей стали – ни за что не отличил бы от обычного гелевого шарика.

Но с жетоном, с медной цепочкой, со слишком нарочитым узором нанопроволоки, вживлённой в ткань, шар выглядел именно тем, чем был: дешёвым, безвкусным, жалким.

Сашка говорил себе и Лебедю, что злится из-за деда: тот был достоин большего. Поэт и всё такое.

Лебедь молча кивал. Сочувствовал.

На перемене Сашка не знал, куда себя деть. Шар казался обузой, ходить с ним было неудобно, он ощутимо тянул руку вверх, раскачивался, даже если не было сквозняка. Сашка подумывал оставить его в классе, но не решился. Это выглядело бы неприлично: дед только недавно умер, нельзя же так вот сразу. Курдин обязательно сострил бы что-нибудь про дикарей, не чтящих своих покойников.

Сам Курдин уже ходил без шарика. Как подозревал Сашка, не в последнюю очередь из-за него и Лебеда; но, кажется, Курдин даже был рад избавлению. Наигрался, зло думал Сашка.

Когда они возвращались с Лебедем после большой перемены, Курдин с Бадей и Бобырко стояли возле лестницы и о чём-то приглушённо переговаривались. Сашка на миг

запнулся, но потом выровнял шаг и пошёл прямо на них, глядя Курдину в глаза. Тот, наверное, что-то такое прочёл в выражении Сашкиного лица; замолчал и уступил дорогу.

И ни слова не сказал вслед.

На физике Сашка тянул руку, и на биологии, и на истории. Лебедь завистливо хмыкал. Две восьмёрки и десятка: чуть лучше, чем обычно. Но радости Сашка не испытывал... ни радости, ни гордости. Только усталость, горечь и пустоту.

Вернувшись домой, он достал из кармана сложенную вчетверо записку, развернул и в который раз перечитал. Записку писал Антон Григорьевич. В общем, получилось тепло и душевно.

Сашка представил, как отреагировал бы на неё дед. Наверняка метал бы молнии, позвонил бы Антону Григорьевичу и, не стесняясь в выражениях, сообщил всё, что думает по поводу «человека непростой судьбы», «борца за гуманизм, не имеющий границ, прописки и национальности», по поводу «сложных внутренних противоречий, которые отразились в его поэзии последних лет».

Он посмотрел на шар, привязанный над дедовым столом. Тот покачивался, словно водяной цветок, какая-нибудь диковинная актиния в плавном, невидимом потоке.

Поднявшись, Сашка встал перед шаром и начал негромко читать записку. Голос звучал глупо. Это и было глупо: читать в пустой комнате записку, как будто шар мог услышать и ответить.

Даже если бы дед был там, в нём, – он ведь не ответил бы, это не в его характере.

Сел делать уроки. Пытался. Вместо этого думал о всякой чепухе. Вот физика – идеальный газ, рэт-боуновское движение частиц... Сашка представил себе, что душа в шаре подобна газу: она должна равномерно давить на стенки. И быть намного легче воздуха, чтобы шар тянуло кверху.

Потом газ-душа с годами просачивается вовне, давление на стенки шара уменьшается, и происходит то, к чему все давно привыкли. Шары постепенно сдуваются, выдыхаются, «концентрация души» падает, и расслышать её с каждым годом становится всё сложнее.

Но не значит ли это, что душа «делима»? Или она похожа на пальто, которое затирается до дыр, теряет вес, цвет, плотность?..

Он хотел спросить об этом отца, но передумал. Родители вернулись с работы усталые, у отца на работе трагедия: в соседнем районе маршрутка потеряла управление и врезалась в школьный автобус.

Сашка сам приготовил ужин и за столом сидел молча. Мама спросила, как успехи, – похвастался оценками.

Надеялся, что больше ни о чём не спросит, но она, конечно, спросила:

– Как дедушка? Ты с ним сегодня разговаривал? Он тебе что-то отвечал?

Сашка вздохнул и покачал головой.

Заранее знал, что мама расстроится, но врать было бы глупо и нечестно.

Она сидела опустив взгляд и поджав губы.

– Ничего, – сказал отец, – это нормально. Ты, главное, не переставай с ним беседовать.

Помнишь, что я говорил?

Сашка кивнул:

– Душам нужно время, чтобы привыкнуть.

– Именно. Представь, они же лишаются тела, лишаются всего. Мир остаётся, а они в нём существуют уже совсем по другим законам.

Ночью Сашка лежал без сна и думал об этом. Пытался себе представить. Ты по-прежнему есть, но это «есть» – уже не то, что прежде. Тела нет, нет ничего, что отъединяло бы тебя от мира. Ты смешиваешься с ним. Таешь, растворяешься. Как крупинка сахара в кипятке.

Продолжаешь существовать, но в настолько «разбавленном» состоянии, что оказываешься одновременно везде и нигде.

Хочешь коснуться родных – а рук нет, хочешь закричать – а нет губ.

А если перед смертью попал в аниматорий и тебя поместили в шар, тогда всё, что есть между тобой и остальным миром, – тонкие упругие стенки. Лишь они удерживают тебя от окончательного растворения.

Сашка представил себе, что сейчас рядом с ним души всех, кто когда-либо жил на Земле. Сделалось жутко.

Он вертелся с боку на бок и в конце концов сообразил, почему не может заснуть. Ему мешало молчание... молчание присутствия. Оно исходило из шара над дедовым столом. Впервые Сашка почувствовал, что шар – не просто вещь. Как будто дед сейчас был там, молчал и чего-то ждал – большой, угрюмый, вечно себе на уме.

Такой, перед которым Сашка робел, а в детстве – боялся до одури.

Он встал, нащупал тапки и, отвязав шар, перенёс его в гостиную. Свет не зажигал, хватало того, что проникал в комнату с улицы, от фонаря.

Стараясь не шуметь, привязал шар возле бабушкиного – в углу, под иконой.

Лёг спать. Во сне слышал, как дедов шар, покачиваясь, то и дело стучит упругим боком о бабушкин. Как будто бьётся пульс.

* * *

Про новенькую знали мало. Она ни с кем не дружила.

Почти.

– Тебе это зачем? – спросила Сидорова. В детстве Сашка ходил с ней в один садик, она уже тогда была вреднющая. – Влюбился, да?

– Надо и надо, – сказал Сашка. – Ревнуешь, что ли?

– Я-а-а?! К ней?!!! Пф! Дурак ты, Турухтун.

– А ты, – не вытерпел Лебедь, – ты, Сидорова, – коза! Её по-человечески спрашивают, а она!..

В общем, поговорили.

– Ну, – заметил Лебедь, когда шли после уроков к остановке, – она ж не перевелась в другую школу, это точно, иначе в классе знали бы. Может, – утешил, – заболела?

Сашка уже всерьёз прикидывал, как ему похитить классный журнал, чтобы выписать оттуда домашний адрес и телефон новенькой. В принципе, это было реально, хотя и рискованно. Другое дело, что, если Сашку поймают, вспомнят и про ножик, и про отложенную на неопределённый срок плату за обучение... Тут уже никакие оценки не спасут.

Он решил выждать до конца недели, а потом поговорить с Лебедем. Тот давно и безнадёжно вздыхал при виде Сашкиных спецназовцев времён Юго-Западной кампании. Вряд ли устоит. А вдвоём, может, и получится проверить авантюру.

В пятницу Сашка вышел из дому вовремя, но из-за пробки на первый урок успевал впритирку. Влетел в школу перед самым звонком, бросил куртку дежурному по гардеробу, метнулся к лестнице и... едва не сбил с ног новенькую.

– Привет...

– Привет, – сказала она. И повернулась, чтобы идти, но шарики от удара сплелись цепочками, пришлось распутывать.

– Это... кто у тебя? – спросил Сашка, глядя куда угодно, только не на неё. Пальцы сделались непослушными, цепочки всё время выскальзывали. Звонок злорадно гремел над головами.

– Брат. – Прозвучало так тихо, что он не был уверен: она действительно сказала или слышалось.

Пробежавшая мимо Сидорова затормозила и хмыкнула:

– О! Нашёл пропажу? Насть, он тебя искал. Вдвоём с Лебединским пытали, но я – могила, ты ж знаешь... – Она вдруг смешалась, закашлялась и покраснела. – Извини, про могилу это я зря.

Новенькая выдавила из себя улыбку. Потом отвернулась, закусив губу: одна рука безвольно повисла, в другой покачивается мелкий разноцветный шарик, весь в ромашках, паровозиках, каких-то мультяшных персонажах.

– Ну я побежала! У нас лабораторка, давай скорей! – Сидорова ухмыльнулась Сашке и рванула вверх.

– Думал, ты заболела, – невпопад сказал Сашка новенькой. Он наконец-то распутал цепочки, дедов шар вывернулся из пальцев и, взлетев, застрял между перилами и следующим пролётом.

– Лучше бы заболела. – Она говорила всё так же: одними губами, едва слышно. Потом кивнула на прощание и пошла, обхватив шарик руками. Словно, подумал Сашка, младенца баюкала.

Эта картина всё не шла у него из головы. В итоге на истории Сашка схлопотал восьмёрку, а на географии Лебедю пришлось хорошенько пнуть его под партой, чтобы вышел наконец к доске и стал отвечать.

После уроков Сашка собирался перехватить Настю на выходе из школы. Пока и сам толком не понимал, зачем. Не скажешь ведь девчонке, у которой на днях умер брат: «А пошли в кино». Глупо.

Кое-как избавившись от Лебеда, побежал в гардероб за курткой... и обнаружил, что на вешалке класса её нет. На подоконнике рядом – тоже.

Дежурные уже поменялись: на второй смене здесь сидели старшеклассники. Спросить, куда раздолбай-младшаки повесил Сашкину куртку, было не у кого.

Он медленно пошёл вдоль рядов. Почти безнадёжное занятие, даже если бы одежда висела аккуратно и многие не цепляли свою поверх чужой. Утешало только, что спереть никто не мог: вход один, дежурный строго следит, чтобы брали только своё, никаких «я для друга», да и охранник на входе бдит...

Нашёл в самом конце: висела с краю, на вешалке «12-Б». В карман какой-то гад напихал бумажек от леденцов.

Сашка вытряхнул весь мусор и поплёлся к выходу. Под сильным ветром дедов шар мотался из стороны в сторону, дёргал за руку, словно пёс, который тянет хозяина к пригнувшемуся столбу. Вот-вот должен был начаться дождь.

Во дворе было пусто: первая смена разбежалась по домам, вторая уже сидела на уроках. Кроме тех старшаков, которые обычно курили за воротами на скамейке.

– Пустите!.. – Сашка услышал и обмер. – Ну пустите же.

– А чего, гы, пусти, Ром. Хай летит.

– «Крути-ится-верти-ится шар га-ал-лубой! Крути-ится-верти-ится над гал-лавой!..»

Это был Ромка Ручепятов со своими «гиенами». Восьмиклассники, которым гадский, но в общем-то безвредный Курдин и в подмётки не годился. Если бы не рукопятовский отец, Ромку давно бы и со вкусом исключили. Многие до сих пор надеялись, что всё-таки ещё исключат, но Сашка не верил. Если опять оставили на второй год, не выгнали взашей, как Полеватенко или Яблонскую...

– Отдайте же!

– Гля какие на нём «зверу-ушки», усратья просто. Конкретная неуважуха к мёртвым, я считаю.

– Точняк. Не, ты прикинь: тебя вот в такое упакуют.

– Тока бантика не хватает.

– Я б ожил и отметелил козлов...

Приглушённая возня, звук пощёчины.

– Немедленно отдайте! Сейчас же!

– Ах ты, коза мелкая! Ты чё себе думаешь?!

– Не, Ромк, это шо за цирк?! Ваще!

– В школу ходит, а уроков не понимает.

– Бум учить по-своему. Шоб дошло.

Дедов шар так и рвался из рук. Сашка примотал его к портфелю, портфель повесил на ветку старой липы, что росла во дворе. Нелучший вариант, но не было у него времени на варианты.

Вышел из ворот, повернул направо, к скамейке. Шесть с половиной шагов, всего-то.

Рукопят плюс четверо «гиен». Трое устроились на спинке, ноги в заляпанных грязью ботинках упёрли в сиденье; один привалился к забору, Ромка держит в вытянутой руке шарик, а левой отталкивает Настю.

– О, ещё мелкий.

– Гребь мимо, малёк, давай! Или нос зачесался?

И Настин взгляд: испуганный, капелька слезы на щеке.

– Отдайте ей шарик, – велел Сашка и сунул руки в карманы. – Быстро!

Они заржали, один чуть со скамейки не грохнулся.

– Ты ваще кто такой, сопля? – процедил Рукопят. – Кавалер, да? Рыцарь круглого очка? Только пискни – посвятим. Вали отсюда. И в темпе.

– Пока мы добрые, – поддакнул веснушчатый Гкрик Антипов.

Сашка покачал головой:

– Сейчас физрук придёт. Позвали уже.

– И кто позвал? Ты? Раздвоился?

– Дежурные, я им сказал.

Рукопят передал шарик Антипову и шагнул к Сашке:

– Вот ты глупый, рыцарь, совсем без мозгов. Физрук второй день как гриппует. Или ты дежурного к нему домой позвал?

– Часа через два будет, – заржал дылда Колпаков. Почесал худую свою шею, спрыгнул с лавочки. – Как раз шоб тебя собрать по запчастям.

– Держи его, Димон, – сказал Рукопят. – А ты, Колпак, – соплюху.

Сашка закусил губу и подумал, что со школой можно попрощаться. Когда выпишут из больницы, слишком многое пропустит, до «отлично» недотянет, хоть тресни.

А ещё ему стало интересно, неужели всем в такие моменты приходит в голову всякая неважная чепуха.

Димон Циркуль отлепился от забора и с ленцой шагал к нему. Сашка ждал. Всё как учил дед: пусть возьмёт его за руку, пусть только прикоснётся – ударить между ног и сразу по носу.

Ну хотя бы между ног, если успеет.

– Эй, ребята, извините, что вмешиваюсь... – Никто не заметил, откуда рядом со скамейкой взялся этот высокий мужчина в синем плаще. Говорил он глубоким, уверенным голосом с едва заметным акцентом. – Помощь нужна?

– Да! Да!!!

– Иди, дядя, куда шёл. Я с сеструхой сам разберусь, ага. – Рукопят цвиркнул ему под ноги желтоватой слюной. – Дело типа семейное. Плохо заботится о младшем братишке, – он с ленцой кивнул на шарик в руке Антипова.

Незнакомец улыбнулся и провёл ладонью по седым волосам. Улыбка у него была неуверенная и чужая. Как будто улыбка сама по себе, а он – сам по себе.

– А... – Незнакомец указал на Сашку.

– Ухажёр её. Переживает!

Циркуль с Колпаком хохотнули.

– Тогда пойду, не буду вам мешать.

Незнакомец уже сделал шаг в сторону, но вдруг обернулся и внимательно поглядел на Сашку. Тяжёлый взгляд. Словно на тебя падает гранитная плита.

– А может, вам помочь? Ухажёр-то, похоже, готов на всё...

– Да что...

– Давай пока подержу шарик.

Незнакомец внезапно оказался рядом с Антиповым, положил свою ладонь поверх его руки. Сжал. Антипов шарахнулся от него, сперва растерянный, потом напуганный и злой.

– Эй, хрен старый, ты чё творишь?! Ромк, он мне чуть руку не сломал!

Незнакомец небрежно намотал конец цепочки на палец. С шариком он смотрелся нелепо и беззащитно.

– Значит, типа супермистер Зэд, да? Типа, херр Утёс?! – Рукопят ещё раз сплюнул – и вдруг оказался лицом во влажных, подгнивших листьях. Незнакомец едва коснулся его, просто дал лёгкий подзатыльник.

То, что случилось потом, Сашка осознал через полминуты, не раньше.

«Гиены», наверное, тоже. Просто вот сейчас стояли кто где, решая, то ли напасть на «герра Утёса», то ли погодить, – а через мгновение уже лежали, все трое. Незнакомец не бил их – едва задел каждого: хлопнул по плечу, дёрнул за нос, ткнул пальцем.

Антипов глядел на это оттопыривши челюсть. Потом издал горлом такой звук, словно проглотил мячик для пинг-понга, развернулся и драпанул – только брызги из-под ботинок!..

Рукопят завозился в грязи, поднялся на четвереньки, левой рукой угодил в собственный плевок, поскользнулся, снова упал и, бормоча что-то бессвязное, сперва пополз, а потом побежал. Трясущийся и жалкий, он превратился в того, кем всегда и был. Обычный мальчишка, просто обычный мальчишка.

Трое «гиен» рванули следом. В точности такие же, как он: мальчишки, дети. Иногда злые, иногда наглые, сейчас вот униженные и напуганные до чёртиков, – но всего лишь дети.

Почему-то Сашка твёрдо знал, что впредь только так и будет к ним относиться.

Незнакомец протянул шарик Насте и собирался что-то сказать, но зазвонил мобильный. Гремела приливная волна, словно в кармане синего плаща скрывалось целое море.

– Да?... Когда?... Хорошо, буду. Ничего, подождут. Мы никуда не спешим, сам знаешь, мы уже всюду опоздали.

Он захлопнул крышку и повернулся к ним – уже изменившийся. Настоящий.

Кивнул на шарик:

– Береги своего брата... Если по-другому не вышло, что ещё остаётся, верно? Он-то не виноват, обычай есть обычай. – Незнакомец едва заметно скривился – словно нечаянно раздавил клопа. Только сейчас Сашка заметил тонкий шрам, сползавший от виска к уху и терявшийся где-то в седых прядях. – Не хотел бы я умереть на вашей земле.

Он сказал это глядя в глаза Насте. Сашка, впрочем, не сомневался, что обращается незнакомец к нему.

Кивнув на прощание, человек в синем плаще развернулся и зашагал прочь. Они смотрели ему вслед до тех пор, пока не скрылся за углом.

Так было проще, чем друг на друга.

– Ну, – сказал Сашка наконец, – вот... Пойдём, проведу тебя. Не против?

Настя покачала головой:

– Не против.

– Только мне ещё надо портфель забрать. И дедов шар.

Они никуда не делись, так и висели на ветке, где он их оставил. Дотянулся не с первого раза, даже удивился, что сумел прицепить их так высоко.

– Тебе куда? На триста двадцатую? Тогда, наверное, лучше через дыру, так быстрее. – Они зашагали по дорожке к заднему двору. Здесь на углу в школьном заборе был лаз, старый как мир. Раз в несколько лет дыру заколачивали досками... максимум на неделю. Потом доски куда-то исчезали, и порядок во вселенной восстанавливался.

Помимо того, что отсюда действительно было ближе к Настиной маршрутке, у Сашки имелась по крайней мере ещё одна причина выбрать этот путь.

Его вряд ли знал незнакомец в синем плаще.

Шли неспеша, со стороны, наверное, смотрелись смешно: оба с портфелями и с шариками. «Жених и невеста...» – подумал он и покраснел.

Начал накрапывать дождик.

– А что... твой дед тебе что-нибудь говорит?

Сашка покачал головой:

– Молчит. Но я, если честно, и сам с ним не очень разговариваю. А твой брат?..

– Он тоже молчит. Только плачет. Ему страшно, он ведь ещё маленький. Не понимает, что случилось.

– Ты с ним часто разговариваешь?

– Всё время.

– Помогает?

Настя рассеянно коснулась пальцами шарика. Словно погладила по щеке.

– Иногда становится не так грустно. Перед сном читаю ему сказки. Прошу присниться...

– И что? Правда снится?

– Бывает. Тогда мы с ним играем, как раньше играли. Но чаще я не помню, снился он мне или нет. А он потом ничего не рассказывает, только плачет и плачет. – Помолчала. – Я злюсь на него за это и на себя за то, что злюсь. У меня совсем нет терпения. Иногда хочу, чтобы его скорей отдали в душницу. Потом ругаю себя. Как думаешь, это правильно? Всё-таки он... ну всё-таки как будто живой, это нечестно – отдавать его в душницу.

– А вдруг ему там будет лучше?

– Думаешь?

Он пожал плечами:

– Типа среди таких же.

– А ты бы своего деда отдал?

Сашка снова пожал плечами, хотя ответ знал наверняка.

Той ночью ему приснился дед. Молча постоял на пороге их комнаты, посопел. Отступил на шаг и скрылся во мраке, но Сашка знал, что дед по-прежнему где-то там, во тьме. Сопит и ждёт.

* * *

В День Всех Святых пошли проводить папиных предков. На улицах было полно народу, многие с шариками. В метро ехали тесно прижавшись друг к другу; от духов тётки в выцветшем парике чихало полвагона. Сашка старался подольше не дышать, выдыхал на остановках. Чтобы отвлечься, смотрел, как покачиваются у самого потолка шарики на цепочках, как сталкиваются друг с другом и разлетаются в разные стороны. Рассеянно радовался, что дедов шар оставили дома.

В который раз он пытался представить себя вот таким: бесплотным, беззащитным. Вообразить себя предметом.

Всё время казалось: ещё немного – и поймёт.

Уже несколько дней Сашка ломал голову над тем, как помочь Насте развеселить брата. Ладно, не развеселить – хотя бы успокоить. Это был вопрос: чему может радоваться тот, кто лишён тела?..

Часто перед сном Сашка закрывал глаза и мысленно поднимался вверх, как если бы уже был шариком. Смотрел на всё словно с того конца воображаемой цепочки. Видел не лица – макушки, видел сеть трещин на подмёрзших лужах, летел всё выше, видел уже покрытые грязью спины маршруток, видел ворон на голых ветвях, скатерти мостов, шпили храмов (будто фигурки в настольной игре).

Неба не видел.

Мама спрашивала, почему он всё время зевает. Отец заставлял отдыхать перед тем, как садиться за домашку: минимум полчаса. «Учёба учёбой, но здоровье важнее».

Сашка не спорил и ничего не объяснял. Так было проще.

От метро шли пешком. Все троллейбусы и маршрутки ворочались в потоке машин, словно рыбы на нересте; двери открывались и захлопывались с натугой.

Верхушку душницы увидели издалека: она рассекала небо пополам, вздымаясь над паутиной чёрных ветвей и проводов-душеловов. Вростала в блёклую твердь словно клык, словно исполинский сталагмит.

В Парке памяти было не протолкнуться. Подмёрзший гравий хрустел под сотнями ног, в динамиках за живой изгородью пели возвышенные голоса. Слов Сашка не мог разобрать: что-то религиозное.

Они поднялись на верхушку холма, к основанию душницы. Ближайший вход был перекрыт, весь в лесах. Сашка знал, что это нормально: душницу постоянно ремонтировали, добавляли новые этажи, расширяли старые. Он помнил картинку из учебника, на которой башня была высотой с обычный храм. Теперь её витая свеча вздымалась над всей столицей – самая высокая точка города, его символ, его гордость. Его память.

В широком вестибюле все звуки гасли и терялись среди колонн. На мгновение отвернувшись, Сашка едва не потерялся. Множество лиц и силуэтов, усталые или безразличные взгляды, кто-то украдкой поглядывает на часы, кто-то, примостившись на скамье у стены, жуёт яблоко. Очередь в гардероб свернулась в бесконечный клубок: ты шагнул за чьей-то спиной, не зная, когда уткнёшься в очередную секцию ограждений, не зная, как далеко нахо-

дишься от начала и от конца. Светильники, прилепившиеся к низкому каменному потолку, напоминали слизней в заброшенной пещере.

– Если что – встречаемся у входа, – сказал папа, когда сели в лифт. – Там, где колонна с рыцарем, помнишь?

Сашка кивнул. В первом классе их водили сюда на экскурсию: в Рыбьи подвалы, на несколько первых этажей и на смотровую площадку сотого. Про колонну тоже рассказывали: что уникальная; что сохранилась с тринадцатого века; что на ней, вероятно, изображён тот самый герр Эшбах, основатель ордена душевников. По мнению Сашки, эта полустёршаяся фигурка в шлеме могла изображать кого угодно; такие малюют на последних страницах тетрадей младшеклашки: пузатый доспех, шлем с поднятым забралом, плюмаж, стальные остроносые сапоги... в «окошке» шлема – глаза-точки, нос в виде перевёрнутого вопросительного знака и пышные усы. Даже подписи нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.